

служит основанием индивидуальной нормы – «Я должен говорить правду». В рассмотренном силлогизме А и С суть простые суждения о долженствовании (должны / должен). Г. Кельзен отмечает, что нормативный или правовой силлогизм по своей логической структуре аналогичен силлогизму теоретическому.

Как отмечает Г. Кельзен, норма функционирует в качестве схемы истолкования, поэтому результат нормативного толкования – суждения, наделяющие поведение человека правовым смыслом.

При этом Г. Кельзен подчеркивает, что при оценке позитивного права как хорошего или плохого, с точки зрения справедливости / несправедливости оцениваются и сами нормы права, т. е. «справедливость, как и несправедливость, считается также, свойством самих норм»²³⁸. Подобного рода оценка допускает, что норма справедливости и норма позитивного права действительны одновременно, если они не противоречивы, не конфликтны по отношению друг к другу.

Г. Кельзен, исследуя феномен справедливости, обнаруживает тот факт, что чаще всего при оценке позитивного права с позиции справедливости в качестве основания служит естественное право как (с позиции естественно-правового учения) заключающее в себе абсолютную ценность справедливости. В соответствии с таким подходом действительным считается только естественное право, более того, естественное право как бы возвышается над позитивным правом. Г. Кельзен делает вывод, что здесь нет оценочного суждения о действительной норме на основании другой нормы, и нет вообще никакой оценки позитивного права естественным правом.

Г. Кельзен, исследуя проблему справедливости, приходит к выводу, что нормы права следуют не требованиям справедливости, а требованиям логики. Принцип «С равными (одинаковыми) должно обращаться одинаково, с неодинаковыми – неодинаково», по его мнению, есть логическое следствие общего характера нормы, когда норма должна применяться неограниченно.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОНИМАНИИ ПОНЯТИЙ «ОРИГИНАЛЬНОСТИ» И «ЗНАНИЯ»

А. А. Карташева

*кандидат философских наук, ассистент кафедры онтологии
и теории познания Департамента философии Института со-
циальных и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина*

Строго говоря, в рамках авторского права любой результат творческой деятельности охраняется с момента создания независимо

²³⁸ Так же. С. 157–158.

от своих художественных достоинств. Но, несмотря на это, юридическая доктрина часто дает определение творчеству посредством таких категорий, как «оригинальность», а также «уникальность» и «новизна». Так, появляется необходимости определить значение концепта «оригинальность». Если традиционное понимание оригинальности сближает это понятие с «гениальностью», то аналитическая философия предлагает свой способ формирования данного понятия, используя такие категории как «креативность» и «интерсубъективность».

Если автор (*auctor*) – это тот, кто полномочен использовать свой результат творческой деятельности, то авторство (*auctoritas*) можно представить как сумму его полномочий²³⁹, которые можно делегировать или передать. Понятие «автор» меняет свое значение в зависимости от того, какие «полномочия» востребованы в обществе: утверждение ценности текста как находящегося в традиции или утверждение оригинальности текста. Если властные отношения и ценность традиции были важны для средневекового и народного творчества, (преобладало понимание «авторства», тесно связанное с «авторитетом» и «каноном»), то «оригинальность» и «уникальность» стали основными характеристиками «авторства» в западноевропейской традиции, начиная с XVII в. В подтверждение С. С. Аверинцев говорит, что «автор стал пониматься как творец всей тотальности сотворенного, как гений, ставящий и решающий задачи; романтическая мысль провозгласила абсолютную суверенность автора и одновременно осмыслила явления безавторского творчества в сферах мифа, фольклора и архаической культуры»²⁴⁰. Таким образом, в XVII–XVIII вв. был «открыт» автор, так же, как и культура, существующая без автора.

По мнению Х. Йоса исходной точкой прагматизма в философии явилось начало критики декартовского образа мысли. А именно мысли об устранении самоочевидной значимости мира по отношению к сознанию. Единственной константой у Р. Декарта был уверенный в себе и сомневающийся индивид, на основе которого уже конституируется мир. Философы-прагматики ставят под сомнение смысл картезианского сомнения, используя понятия «проблемы», «интеллекта» и «реконструкции». Так, Ч. С. Пирс считает, что мы начинаем размышлять, ориентируясь на неосознаваемые предрассудки, от которых не можем избавиться. В проблемных ситуациях на место представления о сомневающемся Я приходит представление об ищущих решения проблем Мы. Окружающий мир заставляет нас

²³⁹ Аверинцев С. С. Авторство и авторитет // Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 77.

²⁴⁰ Аверинцев С. С., Роднянская И. Б. Автор // Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1978. Т. 9. С. 30.

сомневаться в том, чем владеем. И преодолеть это сомнение можно, лишь наладив нарушенные взаимосвязи. Такая реконструкция нарушенных взаимосвязей и есть креативная работа. Если удастся продолжить действие, изменив восприятие, в мире появляется новый и оригинальный способ действия. Таким образом, в мире существует либо рутина, либо креативные достижения. Следует отметить, что последние также рано или поздно становятся рутинной. Итак, творчество здесь рассматривается как действие внутри проблемных ситуаций, возникающих в мире привычек и обычаев.

Свое полное развитие идея креативности получила у Дж. Дьюи в книге «Искусство как опыт», где Дж. Дьюи восстанавливает связь искусства с повседневностью. Он описывает особый опыт завершения творческой деятельности: «Работа завершена удовлетворительным образом; проблема получает свое решение <...> Такой опыт означает целостность, он обладает особыми характерными признаками и внутренней независимостью. Он является неким опытом»²⁴¹. Так Дьюи противопоставляет завершённый и фрагментированный опыт. Любому практическому действию может быть присуще эстетическое качество завершенности. Одна и та же деятельность, например, приготовление пищи, может быть пережита на опыте как бессмысленный подневольный труд и как осмысленный вклад в совместную жизнь. Итак, Дж. Дьюи полагает, что креативность — это осмысленность, доступная каждому человеку. А специфика искусства в том, что оно делает своей целью то, что непреднамеренно в обыденной жизни.

В свою очередь, Д. Дэвидсон вводит в понимание человеческого мышления и действия вообще (и творчества в частности) интересубъективность. «Основой познания является не восприятие, а интересубъективность и интерпретация»²⁴². Мышление зависит как минимум от трехчленного отношения между двумя людьми и рядом событий, происходящих в мире. Картезианское познание — это метафора, а «базисом объективности является интересубъективность»²⁴³, говорит Д. Дэвидсон. Итак, сама вероятность творчества становится зависимой от интересубъективного взаимодействия. Также на первый план при трактовке «оригинальности» выходит понятие «коммуникации».

Когда философы аналитической традиции рассматривают концепт «оригинальность», они неизбежно обращаются к языку. Причем

²⁴¹ Йоас Х. Креативность действия [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.znate.ru/docs/index-127485.html> (дата обращения 16.11.2014).

²⁴² Боррадори Дж. Американский философ: беседы с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвллом, Макинтайром, Куном. М.: Дом интеллектуальной книги, Гнозис, 1998. С. 53.

²⁴³ Там же. С. 64.

аналитики обращаются как к языку юридической доктрины, так и к языку собственно авторов.

Язык как средство коммуникации всегда используется неким сообществом людей. Иначе говоря, разговаривать могут два человека и больше. А. В. Родин считает, что отдельный индивид «является неделимым элементом коммуникации посредством языка и речи»²⁴⁴. Кроме того, «считая говорящего человека неделимой единицей, способной поддерживать речевую коммуникацию, мы незаметно даем ему в собеседники самих себя, то есть Наблюдателя». Следует отметить, что не было известных случаев (и, вряд ли такое может произойти в реальности), когда два ребенка, с самого рождения будучи изолированными от лингвистического сообщества, смогли бы сами создать и использовать полноценный язык. Но сама возможность изолированного развития отдельного языка возможна, хотя нельзя не согласиться, что в общем случае для развития лингвистической культуры необходима довольно большая группа людей, а также значительная протяженность во времени. Таким образом, следует также рассмотреть лингвистические трансформации во времени понятия «автор» и «авторство».

Прежде всего, стоит отметить, что понятия «автор» и «авторство» тесно связаны с представлениями о сути знания. Автор – это человек, создающий новое знание. Понятие «знания» очень важно, так как именно знание, в конечном счете, является результатом творческой (или, в более широком смысле, интеллектуальной) деятельности.

Представления об основе и сути знания неоднократно пересматривались. При этом изучение феномена знания все чаще базируется на анализе становления знания с исторических позиций. Так, Х. Й. Зандкюллер анализирует теорию познания в историческом ракурсе²⁴⁵, а Н. В. Бряник предлагает культурно-исторический подход, который представляет собой изучение представлений о знании, принадлежащих различным культурным эпохам от древнего мира до культуры Нового времени²⁴⁶. Для нашего исследования необходимо рассмотреть понятие «знания» в его историческом и концептуальном развитии.

В мифологическом мире (чувственно-конкретном и символическом одновременно) знание создается такой человеческой познавательной

²⁴⁴ Родин А. В. Экстенциональность и интенциональность в праве // Логика толерантности и права. Материалы научной конференции. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 33.

²⁴⁵ См. подробнее: Зандкюллер Х. Й. Действительность знания. Историческое введение в эпистемологию и теорию познания. М.: Центр по изучению немецкой философии и социологии, 1996. 432 с.

²⁴⁶ См.: Бряник Н. В. Введение в современную теорию познания: учебное пособие. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 288 с.

способностью, как воображение. Мифологический образ или смыслообраз является такой единицей знания, которая не имеет прямого коррелята в самой действительности. Я. Э. Голосовкер говорит: «идеи суть смыслообразы – внутренние образы воображения»²⁴⁷. Смыслообразы реальны, они ощущаются как реальные объекты. Высшая познавательная способность, по Голосовкеру, это воображение, и, можно сказать, что «гений – это воображение»²⁴⁸. Стоит отметить, что для И. Канта²⁴⁹ воображение также играет большую роль в познавательном процессе. Подчеркнем, что в мифологической реальности рождение смыслообразов не воспринимается как творческая способность отдельного человека, а скорее, как способность, присущая мирозданию в целом.

Для Платона идея или эйдос – это идеальная умопостигаемая вечная сущность вещи в противоположность чувственному и преходящему в вещи. Он называет идеей то, что «мыслится как единое»²⁵⁰, как «бесцветная, без очертаний, неосязаемая сущность, подлинно существующая, зримая лишь кормчему души – уму»²⁵¹. По Платону, в знаниях раскрывается подлинное бытие, мнения как восприятия изменчивого бытия не являются знанием, а незнание равняется несущему. В концепции Платона «знания как припоминания» делается попытка наделить человека возможностью обладать знанием.

У Аристотеля термины «идея» и «эйдос» меняют свое значение, на русский их традиционно переводят как «форма». Примечательно, что в английском языке «идея» Платона переводится как «form», и форма Аристотеля звучит также как «form». Сущность вещи и форма вещи очень похожи, «сущность вещи, выраженная в определении, есть ее форма»²⁵². Соотношение сущности и искусства происходит через рождение форм: «<...> через искусство возникает то, форма чего находится в душе (формой я называю суть бытия каждой вещи и ее первую сущность)»²⁵³. Таким образом, форма понимается как сущность, упорядоченность материала или содержания. И эту упорядоченность материалу придает человек, автор.

Форма – категория, которая определяет новизну и творчество: «тот, кто знает формы – тот охватывает единство природы

²⁴⁷ Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М.: Наука, 1987. С. 47.

²⁴⁸ Там же. С. 18.

²⁴⁹ См. подробнее: Кант И. Антропология с прагматической точки зрения (1798) // Кант И. Сочинения в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 438–439.

²⁵⁰ Платон. Парменид // Платон. Собрание сочинений. В 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 353.

²⁵¹ Платон. Федр // Там же. С. 156.

²⁵² Аристотель. О душе // Аристотель. Собрание сочинений. В 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 374.

²⁵³ Аристотель. Метафизика (1032b) // Там же. С. 198.

в несходных материях. И, следовательно, он может открыть и произвести то, чего до сих пор не было»²⁵⁴. В художественном творчестве, в практической деятельности человек создает формы. В научном творчестве форма предстает в виде закономерностей.

Философия Просвещения и Нового времени принципиально изменили акценты в гносеологии, а также в истории развития представлений о собственности на идеи. Р. Декарт сделал факт существования человека-субъекта основанием, на котором можно базировать всю систему знания. М. Хайдеггер говорит, что «меняется вообще существо человека и человек становится субъектом <...>, человек становится точкой отсчета для сущего как такового»²⁵⁵. Человек сам задает систему координат, в которой существует он как субъект и его представления. И только субъект может обладать качеством гениальности.

Когда субъект приобретает в своем характере черту гениальности, он становится способным на творчество из ничего. И, конечно, он является полноправным хозяином творения, как Бог является таковым для сотворенного им мира. Знание начинает осмысляться как действие, как целенаправленный и исследовательский поиск нового. Субъект становится точкой отсчета для всего существующего, а знание – реальной силой, способной преобразовать мир и природу. Кроме того, возникает образ оригинального гения, основанный на идее об индивидуальности, оригинальности, уникальности творческого труда и его результатов.

И. Кант называет гения – «баловень природы»²⁵⁶. Хотя черта гениальности присуща каждому человеку как личности и, особенно, как автору. «Все, претендующее быть личностью, обязательно неповторимо <...> каждая личность имеет свое собственное имя <...> под этим собственным именем всегда кроется неповторимость и безусловная оригинальность»²⁵⁷. В одной личности слиты материальная единичность (личность как объект) и душа (личность как субъект) – эта единая личность есть «оригинальная субстанция»²⁵⁸, субстанциальная личность.

Говоря о гениальности, И. Кант определяет это понятие так: «гений – это прирожденные задатки души (*ingenium*), через которые природа дает искусству правило»²⁵⁹. Правило, которое дает природа, – это и есть форма.

²⁵⁴ Там же. С. 81.

²⁵⁵ Хайдеггер М. Время картины мира // Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 48.

²⁵⁶ Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения. В 6 т. М.: Мысль, 1966, Т. 5. С. 334.

²⁵⁷ Лосев А. Ф. Античность как тип культуры. М.: Наука, 1988. С. 46.

²⁵⁸ Там же. С. 49.

²⁵⁹ Кант И. Критика способности суждения. С. 323–324.

Необходимо обратить пристальное внимание на понятие «форма», так как оно имеет определяющее значение для трактовки понятия «оригинальность» и «знание». Термин «форма» происходит от латинского «*forma*» или от греческого «*μορφή*», что означает «то, что» противоположно слову «материя», которое является производным от греческого «*ύλη*», которое означает «то, из чего».

Разумеется, в современном мире понятие знания претерпевает значительные трансформации. В неклассической парадигме, по мнению С. Лэша, «рождаются новые закономерности производства, распределения и обмена, в которых информация, формально не знающая границ, упорядочивается системой интеллектуальной собственности»²⁶⁰. Последняя, в свою очередь, претерпевает изменения: «интеллектуальная собственность не отрицает самого принципа собственности, но лишь переносит акцент с «собственности на объект» на «собственность на прототип», на исходные условия создания объекта»²⁶¹. Важно, что автор обладает общим способом создания объекта интеллектуальной деятельности, в том числе может создать его снова. Таким образом, несмотря на трансформации понятия «знания» в общих чертах остается неизменным понятие «формы».

Для подтверждения этого обратимся к трактовке воззрений И. Г. Фихте, которую делает М. Вудманси. Она считает, что, по мнению Фихте, именно форма, в которой идеи произведения представлены публике, остается собственностью автора навечно. По Фихте, для «каждого человека характерны свои собственные процессы мышления, свои пути формирования и соединения понятий <...> Все, что мы думаем, мы думаем по аналогии с другими нашими привычными схемами мышления, и только через переработку новых мыслей по аналогии с нашими обычными мыслительными процессами, мы можем сделать эти новые мысли нашими. Без этого они остаются чуждыми нашему сознанию, ничего не связывая, и ни на что не влияя <...> Таким образом, каждый писатель должен дать своей мысли определенную форму, и он не может дать им никакой другой формы, чем его собственная, потому что он не имеет другой. Но также он не может передать эту форму, ибо никто не может присваивать его мысли, не изменяя тем самым их форму. Последняя, таким образом, остается навсегда его исключительной собственностью»²⁶². Таким образом, собственностью может быть только форма как общий способ создания.

Итак, именно понятие «формы» является цементирующим раствором между исторически трансформирующимися смыслами

²⁶⁰ Lash S. Critique of information L.: Thousand Oaks, Sage Publications, 2002. P. 4.

²⁶¹ Ibid. P. 81–82.

²⁶² Woodmansee M. The Genius and the Copyright: Economic and Legal Conditions of the Emegence of the Author. Eighteenth-Century Studies. P. 445.

понятий «знание» и «оригинальность» применимо к результатам творческой деятельности. Таким образом, инструментарий аналитической философии, как сосредоточенный на формах и лингвистических структурах, используется для обоснования необходимости правовой защиты результатов творческой деятельности. Напомним, что согласно букве закона, такие результаты охраняются независимо от своих художественных достоинств. Но на практике и в юридической доктрине активно используется понятие «оригинальности», в свою очередь, различно трактуемое.

СУБЪЕКТ ПРАВА И ОСОБЕННОСТИ ПРАВА В ТРАКТОВКЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

М. В. Пырина

*ассистент кафедры онтологии и теории познания
Департамента философии Института социальных
и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

Современная аналитическая философия права формируется в 60-е гг. XX в. и представляет собой синтез логико-философских и юридических идей, основанный на методологии юридического позитивизма и лингвистического анализа правовых феноменов, а также переработки идей естественного права. Объектом ее исследования становится право, а использование логико-семантических методов устраняет философско-правовые проблемы при помощи анализа языка. Существуют разные точки зрения на трактовку вопроса о возникновении аналитической философии права²⁶³. Так, Ю. В. Тихонравов полагает, что в своих методологических и концептуальных характеристиках аналитическая философия права восходит к работам Джона Л. Остина (1790–1859); он также полагает, что на ее становление оказали влияние идеи Г. Кельзена (1881–1973). Тогда как И. Н. Грязин связывает зарождение идей аналитической философии права со второй половиной XVIII в., а именно с появлением трудов И. Бентама (1748–1832).

Но большинство авторов сходятся в том, что концепция И. Бентама, трактующая природу права как «повеление суверена», становится отправной точкой в становлении аналитической философии права. Подобное признание свидетельствует о том, что уже в период своего становления аналитическая философия права нацелена на решение вопросов о статусе и роли субъекта права в формиро-

²⁶³ См. например: Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001. 264 с.